

С. Ю. Николаева

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ
Н. И. ТРЯПКИНА И Ю. П. КУЗНЕЦОВА

Поэзия Н. И. Тряпкина и Ю. П. Кузнецова рассматривается как новый этап в развитии русской философской лирики, вписывается в контекст русской философской мысли XX столетия, связывается с концепциями космистов.

Ключевые слова: русская поэзия XX века, философская лирика, русский космизм, Н. И. Тряпкин, Ю. П. Кузнецов.

Творчество Н. И. Тряпкина и Ю. П. Кузнецова относится к числу тех явлений русской поэзии XX века, ярких и значительных, место которых в истории литературы и их истинный масштаб ещё только определяется. И выявить этот масштаб можно как путём имманентного анализа художественных систем двух поэтов, так и путём их сопоставления, а также восстанавливая историко-литературные и философские контексты, адекватные таланту и уровню мышления художников слова. В данном случае делается попытка вписать их в контекст русской философской мысли XX столетия.

В восприятии читателей, критиков, литературоведов оба поэта являются продолжателями традиций русской философской поэзии, да и сами они ощущали себя её наследниками, рефлексировали на эту тему, недаром Кузнецов в своём «Воззрении» [14: 10] оттолкнулся от целого ряда знаковых имён (Дарвина, Ницше, Кампанеллы и др.), а Тряпкин в «Автобиографии» заметил: *«И здесь, под сенью философской, // Цвело в ночи моё окно»* [23: 474]. Каковы же истоки философско-поэтических концепций Кузнецова и Тряпкина, с какими философскими учениями они обнаруживают типологическое или генетическое родство? Отвечать на этот вопрос следует исходя из лиро-эпического характера творчества обоих поэтов, которые посвятили свою поэзию теме исторического пути России в XX веке, теме трагической судьбы русского человека и народа.

Катастрофический характер русской, да и мировой истории, стал вызовом для философского осмысления человека и цивилизации, и один из глобальных ответов на него дал русский космизм – философское направление, получившее признание сравнительно недавно [20], но возникшее ещё в середине XIX столетия и знакомое Ф. М. Достоевскому, Л. Н. Толстому, В. С. Соловьёву [5; 6; 7; 18, 19; 21].

По мнению С. Г. Семёновой, в рамках этой школы «возникает новый взгляд на человека как не только на исторического социального деятеля, биологический или экзистенциальный субъект, но и на существо эволюционирующее, творчески самопревосходящее, космическое» [22]. Высшая цель эволюции – полное преображение человека, у религиозных космистов это достижение Царствия Божьего, Царствия небесного. Н. Ф. Фёдоров считал,

что человечество «призвано выйти в космос для его активного освоения и преобразования», «в бесконечных просторах Вселенной должны разместиться и мириады воскрешенных поколений, так что «отыскание новых земель» становится приготовлением “небесных обитателей” отцам» [25: 148, 231].

Многие образы, идеи, понятия и концепты, использованные в философском дискурсе Н. Ф. Фёдорова и его последователей, встречаются в поэзии Ю. П. Кузнецова и Н. И. Тряпкина, формируя философскую основу их художественных миров. Обратимся к стихотворению Ю. П. Кузнецова «Распутье» (1977) [14: 139].

Лирический герой в этом произведении – тот самый «кризисный», «не совершенный» человек, погружённый в рефлексию и одиночество, он воплощает в себе человечество, «самодовольно погрязшее в *низшей свободе*, свободе метаться во все стороны, изведывать все искусства», не способное «обрести *высшей свободы* благого избрания идеала ноосферы (или Царствия Небесного)», если оно не освободится «от тех природных качеств, которые заставляют его пожирать, вытеснять, убивать и самому умирать» [22]. «Космический» акцент в этом стихотворении возникает благодаря фразе: «*Млечные кочевья // И мосты между добром и злом...*» (Здесь и далее выделено нами. – С. Н.) [14: 139]. Космические «мосты» в данном случае соединяют-разъединяют «тот» и «этот» миры, добро и зло, небо и землю, даль и дом. Само словосочетание представляет собой скрытую цитату из произведений Тряпкина, имеющую для его поэзии ключевое значение. Цитируя эти слова, Кузнецов актуализирует для себя тряпкинскую концепцию и полемизирует с ней.

Источником цитаты для Кузнецова стало стихотворение Тряпкина «За мосты, что мы позамостили...» (1970) [23: 222].

В этом стихотворении нет ощущения внутреннего конфликта, здесь лирический герой скорее умиротворён и удовлетворён – но не безмятежен. Он удовлетворён тем, что родная земля получила от Истории возможность передышки, народ отстоял своё право на мирную жизнь. Поэт напоминает о минувшей великой войне с помощью упоминаний о «*земном вечном огне*» и о «*мостах, что мы позамостили*» [23: 222].

Такую реалию, как «вечный огонь», комментировать нет необходимости, а в отношении последней фразы отметим, что она представляет собой реминисценцию из «Слова о полку Игореве». Н. И. Тряпкин с помощью этой детали показывает, что нынешняя Россия – это результат тяжёлого воинского бескорыстного труда на благо родного края. Дом, дорога, дубы и ели, поля и веси, простор, земля и небо, Звёздный Камин, «*в ночи горящий Водолей*» – такова топка стихотворения Тряпкина. Предшествующее поколение мостило свои мосты и знало некую высшую истину, отсюда глубинная связь земных мостов с небесными: «*И всегда раскидисты, как реки, // Над землёю Млечные мосты*» [23: 222]. Небо оправдывало земные деяния людей, их созидательный труд. Герой был готов к очередному единению с миром: «*И пускай уйду в назем и глину*»; «*Поклоняюсь вам, земля и небо*» [23: 222]. Мир Н. И. Тряпкина держится на некой прочной оси, «зем-

ной огонь» (прежде всего национальный русский мир) представляется ему «вечным» (на данном этапе творческой эволюции поэта, позднее быстротекущая действительность заставит его пересмотреть свои взгляды).

Тряпкинская топика повторяется и варьируется в произведении Кузнецова, но уже в драматическом сюжете («*Прошумела молодость и скрылась*»; «*Всё равно на свете не остаться, // Я пришёл и уйду – один*») и с трагическим пафосом («*Прошумели редкие деревья // И на этом свете, и на том. // Догорели млечные кочевья // И мосты – между добром и злом*» [14: 139]). Как об утраченных ценностях говорится здесь и о доме, и о дороге, и о Боге, и о Млечных кочевьях и мостах. В 1977 г., когда Ю. П. Кузнецов писал своё стихотворение (на 7 лет позднее Н. И. Тряпкина), ощущение кризиса, исторического конфликта уже стало очевидным. Мосты сожжены, «млечные кочевья» сгорели, распалась связь времён. Поступательное развитие человека прервалось. Зато и размежевание между добром и злом произошло окончательно. Кульминационной точкой в развитии лироэпического сюжета у Кузнецова является третья, центральная строфа: «*Через дом прошла разрыв-дорога, // Купол неба треснул до земли. // На распутье я не вижу Бога. // Славу или пыль метёт вдали?*» [14: 139].

Ключевые слова в этой строфе указывают на катастрофичность произошедшего: уничтожены вечные ценности – вера, любовь к отечеству, надежда на будущее. Лирический герой оказался на распутье и не понимает, что ждёт в дальнейшем его самого и его отчизну – «слава» или «пыль». Концепты «слава» и «пыль» в мире Кузнецова, в его индивидуальной языковой картине мира, многозначны, и в данной строфе нельзя видеть очередную поэтическую декларацию на тему «слава – дым». Дважды повторяющийся образ «Млечных кочевий и мостов» создаёт космический, даже религиозно-космистский контекст (т.е. связанный с концепциями религиозных космистов о возможности выхода человечества в Большой Космос и о духовном преображении человека будущего).

Как отмечает С. Г. Семёнова, обобщая идеи космистов, «человек в своих антропологических, социальных, исторических гранях – существо ещё далеко не совершенное, в определённом смысле “кризисное”. <...> С появлением человека эволюция как бы получает возможность встать в позу Гамлета и задать себе вопрос “быть или не быть?”» [22]. Кузнецов размышляет над тем, насколько современный русский человек, существо явно «промежуточное», утратившее веру в Бога, замедлил своё восходящее продвижение по пути эволюции и что его ждёт впереди – «слава», т.е. торжество новой духовной природы, или же «пыль» – превращение множества поколений человечества в прах столетий.

Философы-космисты считали несовершенную физическую природу и скоротечность жизни отдельного человека главным препятствием на пути восходящей эволюции. Поэтому понятен тезис Ю. П. Кузнецова: «*Я пришёл и уйду – один*» [14: 139]. Одному человеку не под силу решение глобальных космических проблем, да и весь народ, всё человечество в его нынешнем состоянии не способны на это. Отсюда трагизм лирического героя

Кузнецова, понимающего как необходимость совершенствования современного русского человека, так и суть современной исторической ситуации, далёкой от идеала. Драма лирического героя в том, что он явился на этот свет раньше срока, когда человечество ещё не научилось преодолевать границы пространства и времени.

Главную трагедию современного человека Ю. П. Кузнецов видит в утрате Бога: «*На распутье я не вижу Бога*» [14: 139]. А значит, нельзя и определить, что ждёт человечество – «слава» или «ныль», спасение или гибель. Мосты между добром и злом сожжены, началась страшная схватка между ними, и от исхода этой схватки, от того, вернётся ли человек к Богу, будет зависеть итог эволюции.

Эти мысли Кузнецова явно перекликаются с размышлениями русских религиозных космистов, в частности, Н. А. Бердяева, который отстаивал «космоцентрический, узревающий божественные энергии в тварном мире, обращенный к преобразению мира» и «антропоцентрический... обращенный к активности человека в природе и обществе» философский принцип, и пытался решать «проблемы о космосе и человеке», разрабатывал активную, творческую эсхатологию, утверждая, что «конец этого мира, конец истории зависит и от творческого акта человека» [4: 235, 258]. Данный вывод подкрепляется признанием самого поэта об интересе, испытываемом им к философскому учению космистов («*На каком-то этапе мне были близки воззрения Николая Фёдорова – «Философия общего дела*» [15: 10–11]), и поддерживается сходным выводом В. Н. Баракова, писавшего о движении Кузнецова к «вселенскому, космическому видению жизни», об «усиливающемся в конце XX века общем эсхатологическом восприятии времени в кузнецовском поэтическом преломлении»: «Его лирический герой чувствует личную ответственность за происходящее в мире, за конечный итог и своего, и общего земного бытия» [2: 93, 106].

Значительность «космических» стихотворений Тряпкина и Кузнецова первым отметил пронизательный В. В. Кожин [11: 6; 12; 18], о «всемирности» мышления Тряпкина писал С. С. Куняев [13: 18–19]. Эти суждения критиков, безусловно, справедливы и подтверждают необходимость детального анализа поэтики Космоса в произведениях как одного, так и другого поэта.

Творческий диалог между ними на тему «Млечных мостов», удерживающих в мировом космическом пространстве национальное бытие России, не ограничивается названными стихотворениями Тряпкина («За мосты, что мы позамостили...») и Кузнецова («Распутье»). Этот диалог приобретает широкий масштаб и охватывает фактически всё творчество обоих художников. Тема «Млечного пути» настолько подробно и глубоко разработана в поэзии Тряпкина, что Кузнецову в его «Распутье» достаточно лаконичной реминисценции – и диалог с Тряпкиным становится очевидным для читателя, космизм мировоззрения поэта выражается во всей полноте, не требуя повторений и перепевов.

Сплошное прочтение текстов произведений Тряпкина и их системный анализ показывают, что образ Млечного пути является наиболее частотным

в его поэзии. Он в той же мере существенен для Н. И. Тряпкина, как «звезда» в поэзии Н. М. Рубцова, как «степь» в художественном мире Ю. П. Кузнецова. Можно говорить о том, что Н. И. Тряпкин космичен, он показывает и осмысливает в своих стихах Вселенную как колыбель, «зыбку», в которой сохраняется от падения в «бездну» русский национальный мир.

Образ Млечного пути наиболее часто повторяется в стихах Н. И. Тряпкина, широко и разнообразно варьируется, порождает интереснейший мотивный комплекс. Какой-либо вариант – причём каждый раз новый, неожиданный и яркий – присутствует едва ли не в каждом стихотворении. Это Млечный путь, Млечная река, Млечная галактика, Млечная арка, Млечная переключина, Звёздная переключина, Хребтина поднебесная, Млечный кряж, Млечный мост, Млечный пояс, Млечное кольцо, Млечная корона, Полярная Корона, Млечная бездна, Млечный туман, Млечный ковыль, Млечные пилоты, Вселенские снасти, Вселенские моря и реки, Вселенский ветряк, Вселенский плотник, Вселенская пыль, Звёздная сыпь, Звёздный пух, Звёздный дуб, Звёздный Камин, Звёздный лёд, Звёздный Чум, Звёздный Ковш, Звёздный Олень, Звёздный набат, Звёздное Время, Звёздный ход, Звёздный стрелок, Звёздные ресницы, Ветер Мироздания, бубен Мироздания, зовы Мироздания.

Приведённый перечень (конечно, неполный и включающий в себя лишь ключевые мотивы, а не их дериваты), обладает выразительностью сам по себе, в силу эффекта системы, эффекта множества. Перед нами не простой перечень, не сумма отдельных значений мотивов и концептов поэтического языка Н. И. Тряпкина, а репрезентация всей его поэтической системы. Художественный мир Н. И. Тряпкина – это отнюдь не мир крестьянской избы, не мир деревни и даже не мир России или Евразии, хотя, безусловно, в нём есть всё вышеназванное. Это Космос, Вселенная, явленная не отдельно от человека и его бытия, а в каждом человеческом вздохе и слове, в каждом живом существе, в каждой пылинке и в каждом «*скрипе колыбели*». Органическая связь земного и небесного, бренного и вечного, телесного и духовного становится законом художественного мира поэта: «*И вот за поленницей дров // В солому зарылся мой кров, // И в звёздную сыпь, как в ботву, // И в древние сны наяву. <...> // И вот уже Млечным Путём // Плыву я в ковчеге своём*» [23: 172].

Микрокосм у Тряпкина неразрывно связан с макрокосмом. Крестьянский сын живёт у самого подножия мирового дерева, у основания мировой оси: «*А Земля проносила во все свои сны и печали // И во всё голошеньё людских и звериных берлог. // И геройские мифы, как полог, меня накрывали, // И вселенская пыль оседала на дедов порог*» [23: 430].

Вокруг этой мировой оси складывается крестьянская жизнь, происходит круговорот рождений и смертей: «*И дремал я в качалке земной // У подножий всего мироздания*» [23: 186].

Отыскивая литературные связи Н. И. Тряпкина в истории русской и мировой поэзии, устанавливая его литературное родство, можно сказать, что его поэзия – это развёрнутая, многократно реализованная знаменитая

метафора Ф. И. Тютчева. Указание на преемственность по отношению к Тютчеву и другим поэтам позволяет оттенить своеобразие поэтического воплощения Н. И. Тряпкиным названной темы. Млечный путь в его произведениях осмысливается как ось мира, как Мировое древо, как синоним Вселенной. Архитектоника этого Млечного пути, весьма сложная и разветвлённая, включает в себя земную ось, земное колесо, колыбель, ковчег, арки, перекладыны, пути, хребтины и хребты, родовое древо и древо жизни.

Согласно многочисленным мифам разных народов, Мировое древо воплощает в себе единство всего мира, связь Вселенной и человека, это модель мира, где для каждого существа, предмета или явления есть своё место. Мировое древо – это также посредник между мирами – своеобразная дорога, путь, мост, лестница, по которой можно перейти из этого, земного мира (Явь) в мир предков, потусторонний мир (Навь), или на небеса, в мир богов (Правь). Мировое древо осмысливается в мифах также как ось мира, на которой расположены человек (микрокосм), общество и Вселенная (макркосм), или же мир современный, потусторонний и идеальный – небесный. Синонимами Мирового древа и Оси мира являются столб, колонна, мировая гора, дорога, церковь с тремя верхами, три терема, корабль, лестница, цепь, арка, город, дерево, лиана и др. В мировой мифологии Млечный путь считается осью мира, наряду с мировым деревом [26]. В поэтическом мире Н. И. Тряпкина все эти образы синонимичны, находятся в отношении свободного варьирования. Сущность творческой работы Тряпкина можно охарактеризовать так: поэтическая реконструкция мифа. Когда-то народное поэтическое сознание обобщило крестьянский жизненный опыт в мифологических сюжетах и образах, а Тряпкин расшифровывает их смысл и находит соответствия им в современности, в действительности XX века.

По свидетельству О. В. Беловой и В. Я. Петрухина, «в славянской модели мира концепту единого мирового древа присуща статичность: мировая ось должна быть неподвижной, её движение равнозначно трансформации и в конечном итоге гибели мира» [3: 67]. В художественном мире Тряпкина мировая ось, с одной стороны, сохраняет своё значение и стабильность, а с другой – подвергается испытаниям разрушительной деятельностью человека. В славянской мифологии роль Мирового древа выполняет Дуб – именно «Звёздный дуб» у «Млечной реки» изображает поэт в своей «Сказке» (1979):

И узрел голубицу на Звёздном дубу
Да у Млечной реки [23: 379].

Н. И. Тряпкин считает недопустимым раскачивание мировой оси, и в этом он продолжает размышления своего современника Ю. П. Кузнецова, который в стихотворении «Атомная сказка» (1968) воссоздал похожий сюжет: добрый молодец убивает стрелой и пытается электрическим током царевну-лягушку: «– *Пригодится на правое дело! – // Положил он лягушку в платок. // Вскрыл ей белое царское тело // И пустил электрический ток*» [14: 52].

Сказочный мотив у Кузнецова выполняет дидактическую функцию: не ограниченное нравственными канонами познание мира человеком обра-

чивается против мира и человека. У Тряпкина человек идёт ещё дальше в своём дерзком стремлении овладеть миром и посягает уже на *«голубицу на Звёздном дубу // Да у Млечной реки»* [23: 379], т.е. восстаёт против Бога, Святого Духа, колеблет мировую ось, мировое древо, и в итоге мир рушится, возникает картина Апокалипсиса, воссозданная во многих стихотворениях Тряпкина:

Дьявол заходит в кабак,
Бог восседает за стойкой.
Пьют из *Большого Ковша*,
Спирт не мешая с водою [23: 381].

«Космическая» стилистика, поэтика и проблематика присущи и творчеству Ю. П. Кузнецова. Поэт прямо говорил о своём интересе к космогоническим мифам о Мировом Яйце и Мировом Древе [16: 10]. Сюжеты его произведений также разворачиваются в просторах Вселенной. Но, в отличие от Тряпкина, Кузнецов подвергает поэтическому исследованию не сам Космос в его проекции на человеческое бытие, а поведение человека в его проекции на нравственные высоты Вселенной, Царства Небесного, самого Бога.

По свидетельству Кузнецова, *«ощущение единого пространства души и природы»* ему было присуще с детства, отсюда *«космическая туманность»* некоторых его строк *«о природе и человеческой душе»*: *«В кругу моих школьных друзей составлялись небывалые планы на будущее, носились невероятные мысли и замыслы – от налёта на колхозный сад до создания новой Вселенной»* [17: 6–7]. В. В. Кожин считал, что поэт отразил *«объективное свойство современного бытия в ставшем для человека единым целым земном, а отчасти даже космическом мире»* [12: 167]. Эта особенность поэтики Кузнецова не сразу была принята отечественными литературоведами, поначалу писавшими о *«туманной многозначительности»* поэтической системы Ю. Кузнецова [8: 57–58], но позднее отмечавшими *«смысловую многозначность, масштабную символику и сложную ассоциативность»* его поэзии [8: 237]. Наконец, в наши дни многие исследователи подтверждают, что Кузнецов *«был тем самым поэтом, который видел, чувствовал и воспроизводил мифологическую ткань мироздания»* [9: 22].

И действительно, все элементы окружающего человека мира в стихах Кузнецова принадлежат не Земле, а Вселенной, даже *«лежащий камень»* своим происхождением обязан Космосу: *«Когда-то во вселенной он летал»* [14: 362]. Человек лишь временно – на *«минуту иль век»* – помещён на Землю, вечность же для него разворачивается в мировом космическом пространстве: *«Но зевнула минута иль век – // ...и в пространстве повис человек»* [14: 126]. Судьба человечества едина благодаря связи всех со всеми и с космосом: *«Мы все исчезали в сияющей тверди, // Где свет до рожденья и свет после смерти»* [14: 361]. *«Из бездны Вселенной»* на *«семейную вечерю»* собираются поколения предков и потомков [14: 145].

Особую связь с мирами иными чувствует поэт, у которого *«Слова зовут и гаснут, изнывая, // И вновь звучат из бездны бытия»* [14: 143], кото-

рый читает о судьбах мира по «голубиной книге», выпавшей из голубых небес [14: 218, 391]. Поэт страшится, подобно Тютчеву, оказаться «В туманной бездне мироздания, // Вдали отеческих следов» [14: 364]. Все события, происходящие в мире Кузнецова с его персонажами, имеют вселенский масштаб или космический аспект. Например, женщина, появившаяся «Однажды на лету земного шара» [14: 357] в жизни и судьбе лирического героя, ждет, требует от мужчины перед расставанием: «Письма из бездны бытия? // Из толчеи веков?» [14: 257].

Лирический герой поэзии Ю. П. Кузнецова ощущает своё единство с христианским миром и со всей Вселенной: он пытается заглянуть «по ту сторону // **Мирового креста**», и оказывается, «Что с обратной стороны» сам он «распят на кресте» [14: 377]. Поэт уточняет: речь идёт не только и не столько о человеке вообще, сколько о русском человеке, о простом мужике, который велик в своём непоказном терпении и готовности пострадать за весь мир: «Качая миром, испокон // Стыдится наш мужик» [14: 301].

Философы-космисты, размышляя об истории России и о русском национальном характере, приходили к выводу о том, что русский человек первым проникнет в околоземное космическое пространство. С. Г. Семёнова подчёркивает связь классической литературы и философских исканий космистов. Гоголь, воспевавший русских богатырей, на свой вопрос: «Русь, Русь, что пророчит сей необъятный простор?» – получил от Н. Ф. Фёдорова поразительный для того времени ответ: «Ширь русской земли способствует образованию подобных характеров: наш простор служит переходом к простору небесного пространства, этого нового поприща для великого подвига» [25: 358].

Вслед за Н. В. Гоголем Ю. П. Кузнецов вынужден признать, что современный русский богатырь нуждается в нравственном совершенствовании, его духовный потенциал далеко не раскрыт, это чаще всего Илья Муромец, который только еще копит свою силушку. В результате у Кузнецова возникают образы, окрашенные иронией, показанные с изрядной долей критики. Таков персонаж, мечтающий: «Мать-Вселенную поверну вверх дном, // А потом засну богатырским сном» [14: 134]. Таков «Сидень», наблюдает «вселенские дали» своих безмерных желаний и пытающийся им противостоять [14: 254].

У Ю. П. Кузнецова существует яркая и очень значимая для него антитеза: «бездна бытия» и «бездна Вселенной». Одна бездна символизирует мирскую, земную жизнь с её затягивающим бытом и заботами о хлебе насущном, суету сует и всяческую суету, в которой погибает человеческий дух. Кузнецов под «бездной бытия» подразумевает современную действительность со всеми её отрицательными сторонами, нарастающий кризис, торжество «духа отрицанья», действие разрушительных сил, говоря философским языком – энтропию. «Бездна Вселенной» – это новые для человека, ещё не освоенные пространства, миры иные, о которых сказано: «В Доме Отца моего обители многи суть» [Ин: 14; 2].

Эти образы у Кузнецова существуют с конца 1960-х гг. Первоначально «*щель меж звезд*» [14: 59] и «*пустота мировая*» [14: 85] – это источник таинственного свиста, доходящего до лирического героя из Вселенной, это способ связи с мирами иными. Герой пытается прислушиваться к Космосу даже живя «*на одной половице*»: «*Дыра от сучка подо мною // Свистит глубиной неземною*» [14: 107]. На зрелом и позднем этапе творчества «*бездной*» оказывается современная российская действительность: в 1985 г. это «*взорванное сущее*» в планетарном масштабе [14: 239], в 1998 г. – в масштабе страны: «*Туман остался от России // Да грай вороний от Москвы*» [14: 382].

Несмотря на всеобщую духовную разруху, герой Кузнецова видит, как «*Копошится звёздный муравейник*» [14: 349]; он верует: «*Свет веры сквозь купол небесный // Проходит, связуя две бездны*» [14: 293]; свою веру и надежду связывает с «*рукой Москвы*», благодаря которой «*свет пойдёт по всем мирам*» [16: 58], предчувствует «*вселенский размах*» России [14: 357]. Лирический герой мечтает о «*новом небе*» и «*новом солнце*»: «*Вместо рук над моей головой // Вижу звёздную млечную сетку. // И роняет на купол живой // Белый голубь зелёную ветку*» ([14: 211]. Но чтобы такое обновление произошло, Россия должна пережить нравственный апокалипсис, и Кузнецов цитирует Иоанна Богослова: «*А когда небо в свиток свернётся, // Превратится он в новое солнце, // И оно никогда не зайдёт*» [14: 421].

По мнению космистов христианской ориентации, «мир должен иметь начало, быть направленным или получить сознательное направление, стремиться к некоей совершенной точке, которая уже в свою очередь распустил концентрические лучи нового бытия (сверхжизнь и сверхсознание, вечность). Это, безусловно, эволюционная (в биологическом плане), историческая (в социальном) интуиция, архетипически высказанная в христианской модели мира» [22: 31]. Как достоверная иллюстрация к этому тезису воспринимается стихотворение Ю. П. Кузнецова «Невидимая точка» (2001):

Представление об Апокалипсисе, о направленной к некоему благу для человечества итогу эволюции отчетливо воплощается в лирике Кузнецова: «*Я слышу адский шум и лязг веков, // Мышиный писк всеобщего итога*» [14: 420].

Космисты полагали, что «энтропийным силам упрощения, дезорганизации, распада» противостоит стремление человечества к «*одухотворению и преобразованию мира*» [22: 33]. Ю. П. Кузнецов показывает, что русский человек, Россия пытается духовно противостоять энтропии. Символами такого внутреннего сопротивления становятся мерцающий «*отеческий пепел*» [14: 279], связь поколений русских людей («*Внук за дедом, за сыном отец, // Ну а там обнажился конец, // Уходящий к началу народа*» [16: 246]), «*стояние*» Руси («*В окне земля российская мелькает, // Обочь несется, дальше проплывает, // А далее стоит из века в век*» [14: 78]. Примером «*стояния на своём*» становится и знаменитая Федора-дура [14: 309], и «*незримый Серафим – // Убогий старец из Сарова*» [14: 359].

Итак, анализ творчества Н. И. Тряпкина и Ю. П. Кузнецова с точки зрения воплощения в них философии русского космизма позволяет сделать следующие выводы. Оба поэта исследовали современную им российскую действительность не только и не столько с позиций «злобы дня», сколько в аспекте истории России и эволюции человечества. При этом Тряпкин и Кузнецов явно рассматривали друг друга как собеседников, в их творчестве прослеживаются признаки литературного диалога.

Нельзя согласиться с Л. А. Аннинским, писавшим, что в сознании современных поэтов «рушится история как процесс» [1: 13]. Ю. П. Кузнецов и Н. И. Тряпкин сделали попытку выйти за пределы того ограниченного исторического периода, современниками которого им довелось стать, и определить значение этого периода в контексте Большого Времени Истории. Они создали художественный эквивалент философии русского космизма, воссоздали космос русского духа. В их творчестве следует видеть новый этап в развитии русской философской лирики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аннинский Л. Шестидесятники, семидесятники, восьмидесятники... // Литературное обозрение. – 1991. – № 4. – С. 13.
2. Бараков В. Н. Чувство земли: «почвенное направление в русской поэзии и его развитие в 60-е – 80-е годы XX века». – М.-Вологда: Русь, 1997. – 144 с.
3. Белова О. В., Петрухин В. Я. Фольклор и книжность: миф и исторические реалии. – М.: Наука, 2008. – 264 с.
4. Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре. – М.: Наука, 1990. – С. 227–260.
5. Гачева А. Г. Новые материалы к истории знакомства Достоевского с идеями Н. Ф. Фёдорова // Достоевский и мировая культура: Альманах. – СПб.: Серебряный Век, 1999. – № 13. – С. 205–232.
6. Горностаев А. (А. К. Горский). Перед лицом смерти: Л. Н. Толстой и Н. Ф. Фёдоров. – Харбин: Б.и., 1928. – 46 с.
7. Горностаев А. (А. К. Горский). Рай на земле. К идеологии творчества Ф. М. Достоевского: Ф. М. Достоевский и Н. Ф. Фёдоров. – Харбин: Б.и., 1929. – 38 с.
8. Зайцев В. А. Русская поэзия XX века: 1940–1990-е годы. – М.: МГУ, 2001. – 162 с.
9. Зайцев В. А. Современная советская поэзия. – М.: Высшая школа, 1988. – 84 с.
10. Касаткина Т. О чуткости: поэзия Юрия Кузнецова // «Он стоял перед самым Ответом...»: Вера и судьба России. Век XX, век XXI. Юрий Кузнецов – поэт и мыслитель: В 2 кн. – М.: Московское отделение СП РФ, 2007. – Кн. 2. – С. 16–25.
11. Кожин В. В. Лирическая дерзость // Тряпкин Н. И. Стихотворения. – М.: Детская литература, 1983. – С. 3–8.
12. Кожин В. В. Статьи о современной литературе. – М.: Советский писатель, 1982. – 364 с.
13. Куняев С. С. «Мой неизбывный вертоград...» // Тряпкин Н. И. Горящий Водолей. – М.: Молодая гвардия, 2003. – С. 5–23.

14. Кузнецов Ю. П. Крестный ход. Стихотворения и поэмы. – М.: Сова, 2006. – 640 с.
15. Кузнецов Ю. П. «Отпущу свою душу на волю...» // Литературная Россия. – 1995. – 1 сентября. – С. 10–11.
16. Кузнецов Ю. П. «Рождённый в феврале, под Водолеем...» // Кузнецов Ю. П. Стихотворения. – М.: Молодая гвардия, 1990. – С. 5–13.
17. Кузнецов Ю. П. «Рождённый в феврале, под Водолеем...» // Кузнецов Ю. П. Стихи. – М.: Советская Россия, 1978. – С. 3–9.
18. Никитин В. А. Толстой и Н. Ф. Фёдоров. Богоискательство и богоборчество Толстого // Прометей. – 1980. – № 12. – С. 113–138.
19. Никитин В. А. Владимир Соловьёв и Николай Фёдоров // Символ. – 1990. – № 23. – С. 279–300.
20. Русский космизм: Антология философской мысли. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 368 с.
21. Семёнова С. Г. Об одном идейно-философском диалоге (Л. Н. Толстой и Н. Ф. Фёдоров) // Преодоление трагедии. Вечные вопросы в литературе. – М.: Радуга, 1989. – С. 100–132.
22. Семёнова С. Г. Русский космизм. Вступ. статья в изд.: Русский космизм: Антология философской мысли. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – С. 3–37 // <http://www.nffedorov.ru/mbnff/biblio/knigi/antrukos/predisl.html>.
23. Тряпкин Н. И. Горящий Водолей. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 494 с.
24. Тряпкин Н. И. Избранное. – М.: Художественная литература, 1984. – 178 с.
25. Фёдоров Н. Ф. Сочинения. – М.: Прогресс, 1982. – 438 с.
26. Мировое древо // <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.

УДК 821.161.1-1+929Кузнецов

В.А. Редькин

РОЛЬ «СЛОВА О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ» ИЛАРИОНА В ПОЭМЕ-ЦИКЛЕ Ю. П. КУЗНЕЦОВА «ПУТЬ ХРИСТА»

Разрабатывая философскую концепцию русской идеи, Юрий Кузнецов опирался на идеи и образную систему «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Художественный перевод «Слова...» Илариона и поэма-цикл Ю. П. Кузнецова «Путь Христа» составляют единое целое в жанровом, стилевом и идейно-онтологическом планах. Перевод «Слова...» можно считать прологом, эпилогом или введением к циклу поэм Ю. П. Кузнецова о Христе.

Ключевые слова: православие, благодать, Ветхий Завет, Новый Завет, Христос, поэма-цикл, национальные традиции, аксиология, онтология, русская идея.

В русской национальной традиции литература имела не столько развлекательный, игровой характер, сколько решала социальные, нравственные, аксиологические и, прежде всего, мировоззренческо-философские, онтологические проблемы. При этом особо следует отметить свойственную русской литературе мощную традицию православного мировосприятия и её интертекстуальность в отношении Библии и других книг Священного